

Трагическую смерть Дункан воссоздал в балете «Айседора», поставленном для Майи Плисецкой, знаменитый французский хореограф Морис Бежар. Луч прожектора во мраке сцены высвечивает дорожку. По ней, словно на ощупь, идет балерина в белой тунике. Высоко поднята голова. Широкий шлейф шарфа охватывает горло, другой его конец тянется за кулисы. И вдруг в самом конце пути затягивается петлей. (Осенью 1927 года в Ницце Дункан вышла из машины. Длинный шарф защемило в дверце резко рванувшего авто...)

Айседора Дункан для многих и сегодня — лишь танцовщица начала века. Женщина, порывавшая сердца Сергея Есенина. Но в ее судьбе, кроме цветов, овалов, любви, было много танго, о чем даже знатоки искусства знают мало. Жизнь Дункан — захватывающий роман исканий, бунта, борьбы и страстей. А личность ее как творца по-новому осознается к концу XX столетия.

Танец прельстил молодую американку возможностью раскрепощения тела и духа. Она решительно пораала с классической традицией. Стала новатором в искусстве. Дункан исповедовала доступность танцевального искусства,

пропагандировала развитие массовых школ, где дети познавали бы красоту естественных движений человеческого тела в танце. С этим она приехала и в Советскую Россию в 1921 году. Уже 7 ноября на торжественном вечере в Большом театре балерина танцевала с первыми обученными ею детьми. Исполнение «Марсельезы», «Интернационала», композиции на музыку революционных песен зрители встретили восторженно. Год спустя Айседора Дункан вышла замуж за Сергея Есенина, приняла советское гражданство.

Заметки и впечатления американской балерины о том, как она ехала в революционную Россию, что встретила здесь, впервые готовятся и печати отдельной книжкой. Они существенно дополняют ее воспоминания «Моя жизнь», переизданные после долгого забвения два года назад. Окунемся же хоть ненадолго в не столь отдаленное прошлое. Невозможно живописать одним цветом двадцатые годы в России. Ибо были они многорыбными, многоцветными. Горькими и радостными. Вдохновляющими и отрезвляющими. Заглянем же в них глазами таинственной Айседоры.

Вячеслав ШЕПНИН.

Айседора ДУНКАН:

В РОССИИ ВСЕГДА ДУМАЮТ О БУДУЩЕМ

Русских изображают неверно

Я поеду в Россию, чтобы осуществить, возможно, единственную мечту своей жизни — иметь свой собственный театр, со своим собственным оркестром и зрителями, которым не надо покупать места, и со многими учениками, которым не нужно платить за обучение. Леонид Красин пригласил меня создать общероссийскую школу. Я не подписывала контракт. Хватит с меня контрактов. Я выезжаю 1 июля.

Русских изображают неверно. Им, может, и не хватает еды, но они твердо решили, что искусство, образование и музыка должны быть бесплатными для всех.

Возможно, я становлюсь большевичкой. Но всю свою жизнь мне хотелось учить детей, иметь бесплатные школы и бесплатный театр. Америка отвергла это, но там все еще есть детский труд, и только богачи могут смотреть оперу, а красоту театральные менеджеры и киномагнаты превращают в источник наживы. Единственно, чего они хотят, это деньги, деньги, деньги. (Весна 1921 г.).

Я никогда больше не услышу о деньгах

ПИСЬМО А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ. Я никогда больше не услышу о деньгах, выплачиваемых за работу. Мне нужны студия-мастерская, дом для себя и учеников, простая пища, простые туники и возможность бесплатно показывать нашу лучшую работу. Мне надоело буржуазное, коммерческое искусство. Прискорбно, что мне никогда не удавалось бесплатно показывать свою работу людям, для которых она создавалась. Я вынуждена была продавать свое искусство из расчета пять долларов за место. Мне надоело современное искусство, больше напоминающее дом проститутки, чем храм искусства, где артисты, которые должны занимать места первосвященников, вынуждены прибегать к уловкам лавочников, продающих свои слезы и саму душу — столько-то за вечер. Я хочу танцевать для масс, для трудящихся, которым нужно мое искусство, но у них никогда не было денег для того, чтобы посмотреть меня. А я хочу танцевать для них даром, зная, что их привела ко мне не умная реклама, а желание увидеть то, что я могу показать им на сцене. Если Вы примете эти условия, я приеду и буду работать ради будущего Российской республики и ее детей.

Айседора ДУНКАН.

Первая ночь в Москве

Я поехала в Россию в сопровождении только своей ученицы Ирмы и верной служанки Жанны. Нам рассказывали такие ужасные вещи, что как только поезд миновал красный флаг на границе, мы бы не удивились, появившись большевикам в красной фланелевой рубашке, с черной бородой и с ножом в зубах, чтобы всех нас изнасиловать и затем перерезать нам горло в качестве вечернего развлечения.

Мы все признались друг

другу, что пребываем в каком-то лихорадочном возбуждении и, возможно, были немощно разочарованы, когда появился всего лишь очень робкий молодой человек с серыми глазами и в очках. Он с дрожью в голосе рассказывал нам о фанатичных жертвах, понесенных коммунистами, и о том, как были отброшены белые армии, что походило на чудо и священную войну.

Во время нашей первой ночи в Москве мы оставили Жанну в единственной кровати единственного свободного в гостинице номера: она истерически рыдала, так как увидела большую крысу, а мы тем временем бродили по таинственно прекрасному городу с многочисленными церквями и золотыми куполами. Все более и более воодушевляясь, студент говорил о будущем коммунизма, и к рассвету мы тоже готовы были умереть за Ленина и его дело.

Потом сгустились тучи, и на нас стал падать дождь. Наш гид, похоже, относился к дождю с полнейшим безразличием, но я почувствовала, что мы 14 часов ничего не ели. Познакомившись с другими коммунистами, я поняла, что истинный коммунист совершенно безразличен к жаре, холоду, голоду и другим физическим трудностям. (Середина 1920-х годов).

В страданиях все равны Интервью

в «Совет Раша»

Дух России — единственное здоровое явление в Европе. Все другие страны думают о застарелой ненависти и обидах, и только Россия смотрит в будущее. Америка — единственная другая страна в мире, взгляд которой устремлен в будущее. Вот почему Америка должна понять Россию.

Я помню, что перед отъездом из Америки, когда мои ученики танцевали в Ист-сайд, зрители-бедняки, плача, просили меня остаться и научить их детей танцевать так, как мои ученики. Но я не могла остаться, у меня не было школы, не было поддержки. Потому что школа, о которой я мечтала, нуждалась в поддержке правительства. И я уехала во Францию. Там меня высмеяли, когда я рассказала о своей мечте создать школу, где дети будут жить и учиться танцевать.

Поэтому я отправилась в Россию. Народный комиссариат просвещения предоставил в мое распоряжение чудесный дом и участок. Вначале в школе была почти тысяча детей. Но наступил страшный голод, правительство не смогло обеспечить питанием столько учеников, и их всех, кроме двадцати, отправили домой. Эти двадцать были самыми талантливыми из всех моих учеников. Я надеюсь привезти их в Америку. Они намного лучше меня могли бы показать Америку, как дух России.

Жизнь в России очень тяжела, и искусство страдает, но из общего страдания выросло общее понимание, дух. В страданиях все равны, все сплачиваются через страда-

{Окончание на 4-й стр.}